

МОТИВ И СЮЖЕТ

УДК: 398 (571) (7)
911.2:572 (093)

Ю. Е. Берёзкин

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН

Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи)*

В статье описываются результаты статистической обработки данных, извлечённых из десятков тысяч традиционных нарративов Северной Азии и других регионов. Параллели между Сибирью и южными районами Азии, видимо, отражают процесс смещения населения к северу после прохождения ледникового максимума. Сравниваются тенденции распространения двух групп мотивов. Касающиеся представлений об антропогенезе, анатомии и отношениях полов более всего характерны для циркумтихоокеанского мира, космонимические – для Северной Евразии и Северной Америке. Известные в Сибири представления о ночном небе появились не позже рубежа плейстоцена и голоцена.

Ключевые слова: фольклор как исторический источник, фольклорные указатели, заселение Нового Света, Сибирь в древности, доисторические миграции.

Для прослеживания перемещений населения в Северной Евразии после пика последнего оледенения и связанного с этими процессами заселения Нового Света было исследовано ареальное распределение мотивов, выделенных из традиционных нарративов. Всего в нашем Каталоге мирового фольклора и мифологии (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>) содержится порядка 50 тысяч резюме текстов разного жанра. Прогресс исследований определяется дифференцированным подходом к этой разнородной совокупности, поскольку отдельные мотивные комплексы распространялись в разные эпохи и под влиянием разных факторов.

Виды и категории аналитически выделяемых единиц

Под мотивами имеются в виду два вида аналитически выделяемых единиц. Наши мотивы-эпизоды иногда соответствуют сюжетам указателя ATU (Aarne – Thompson – Uther [Uther, 2004]) либо их фрагментам и сочетаниям, а мотивы-образы – элементарным мотивам С. Томпсона [Thompson, 1961]. Объединение в рамках одной системы мотивов-эпизодов и мотивов-образов обусловлено как отсутствием между ними точной границы (некоторые единицы в указателе Томпсона учтены как мотивы, а

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ: проект 14-18-03384 «Истории, пересказываемые тысячелетиями: реконструкция динамики глобального распространения фабульных и образных элементов устных нарративов», руководитель доктор исторических наук Ю. Е. Берёзкин.

Берёзкин Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этнографии Америки Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

Контактная информация: Университетская наб., д. 3, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация.
E-mail: berezkin1@gmail.com.

в указателе ATU – как сюжеты), так и задачей исследования – оценивать сходство / различие между традициями, выявляя в них любые общие элементы. Поскольку в указателе Томпсона распространение мотивов не прослеживается и лишь приводятся примеры их встречаемости, в систематическом поиске соответствий томпсоновским мотивам нет необходимости. Указатели по системе ATU ссылки на источники дают, но в основном указателе [Uther, 2004] они релевантны лишь для Европы. Азиатские и африканские данные чаще всего этнически не определены, а под обозначениями типа «Индия» или «Китай» могут скрываться монголы, тибетцы или пуштуны. Обращение к региональным указателям также не всегда проясняет этно-языковую атрибуцию текстов. Есть и другие причины, почему система ATU не может быть непосредственно использована для прослеживания ареальных тенденций в распределении аналитических единиц фольклора [Березкин, 2015; Berezkin, 2015], хотя содержащаяся в указателях информация полезна. К Новому Свету или Океании, где как жанры, так и сюжеты повествований иные, система ATU отношения вообще не имеет.

В Каталоге и в основанной на нём цифровой базе данных аналитические единицы (которые, как только что было сказано, все именуется мотивами) классифицированы не по степени сложности, а по содержанию. В категорию А включены мотивы космологические и этиологические, в категорию Б – приключенческие и трикстерские. Большинство мотивов могут встречаться в текстах разных жанров, от мифологической прозы до бытовой сказки и анекдота, однако вероятность встречаемости для разных тематических групп различна. Поэтому, хотя различие между аналитическими единицами двух категорий не абсолютно, их раздельная статистическая обработка для традиций Старого Света неизменно демонстрирует разные варианты распределения, каждый из которых оказывается исторически осмысленным. Для традиций Нового Света различия между категориями А и Б не столь значимы, ибо здесь не выражены различия между текстами с установкой на достоверность (условно говоря «мифами») и без такой установки (условно говоря, «сказками»). Исключение составляют креольские традиции, сложившиеся под европейским и африканским влиянием, но они нас в данном случае не интересуют.

Таким образом, при обработке только американских данных дифференциация мотивов по двум категориям не обязательна, а при обработке только данных по Старому Свету она совершенно необходима. В случае обработки совокупных данных по Старому и Новому Свету мы используем лишь мотивы категории А, а также те мотивы категории Б, которые встречаются как в Азии, так и в Америке. Речь идёт исключительно о мотивах, которые типичны для одних регионов, но отсутствуют в других, так что вероятность их повторного независимого возникновения невелика. Соответствующие мотивы категории Б, скорее всего, возникли задолго до появления сказки, поскольку были принесены в Новый Свет в эпоху его заселения.

Обе основные категории мотивов включают более узкие тематические группы. Для категории Б это мотивы приключенческие и трикстерские. В их распределении есть заметные различия, причём среди трикстерских мотивов распределение тех, в которых протагонистами являются люди, и тех, в которых действуют животные, также неодинаково. Для категории А тематических групп значительно больше и ареальное распределение мотивов каждой группы также своеобразно.

Начнём с мотивов категории А в пределах Евразии, но прежде всего напомним, как происходит их статистическая обработка.

В цифровом виде наша база данных является бинарной (состоящей из нулей и единиц) таблицей, в которой строки соответствуют этносам (традициям), а столбцы – мотивам. Таким образом, традиции характеризуются наборами из нулей и единиц, по которым различными способами можно определить степень сходства традиций друг с другом. Один из таких способов основан на принципах факторного анализа, в рамках которого признаки (в нашем случае – мотивы) представляются в виде сумм небольшого числа неких скрытых переменных (факторов). Обработка таблицы приводит к тому, что каждая традиция характеризуется значениями всего лишь нескольких факторов, т.е. происходит сокращение числа переменных. Один из вариантов факторного анализа использует в качестве факторов главные компоненты (ГК), которые формально возникают из другой задачи: найти линейную комбинацию признаков, для которой дисперсия максимальна. Количество таких максимумов совпадает с размерностью задачи. Наибольший из максимумов соответствует первой ГК, второй максимум – второй ГК и т.д.

В случае с обильными и гетерогенными данными типа наших первые три-четыре компоненты обычно берут на себя не более 20 % изменчивости. Этого достаточно, чтобы дифференцировать всю совокупность традиций по совокупности огромного числа мотивов. Остальная информация касается множества разнородных тенденций, действующих на локальном уровне и актуальных лишь для небольшого числа традиций.

В каждой ГК есть два полюса, противопоставляющих группы традиций, которые наиболее отличны друг от друга. Но если в материале прослеживается лишь одна мощная тенденция, с которой

остальные по значимости не сопоставимы, 1 ГК выявляет по сути дела лишь один полюс, который представлен традициями с высокими абсолютными значениями индексов. Абсолютные значения традиций противоположного полюса невелики. Иногда (хотя и не обязательно) соответствующие традиции объединены лишь отсутствием в них мотивов, характерных для противоположного полюса. Таким образом, в зависимости от характера данных (одна господствующая тенденция либо две, которые сопоставимы по важности), наиболее существенную закономерность ареального распределения мотивов отражает либо 1 КГ, либо 2 ГК.

Связи «север–юг» на востоке Евразии

Обработав данные о распределении фольклорно-мифологических мотивов категории А (космология и этиология) в пределах континентальной Евразии и Северной Африки, мы получили следующую картину. Первая ГК (результат не проиллюстрирован на карте-схеме) противопоставляет традиции Сибири, Кавказа и Европы более южным. Северные традиции имеют индексы, высокие по абсолютной величине, а южные – низкие. Это не удивительно, поскольку северные традиции по сумме всех групп мотивов категории А намного богаче южных. Картина станет иной, если мы ограничимся, например, только мотивами, касающимися объяснений происхождения смерти, однако эта тема сейчас не рассматривается. Если же анализировать все мотивы категории А в совокупности, то наиболее значимой оказывается тенденция, которую отражает не 1 ГК, а 2 ГК (рис. 1)¹.

Как видно на рис. 1, традиции группируются по двум одинаково значимым территориальным комплексам. Западный охватывает Европу и Кавказ, к которым примыкают Северная Африка, Передняя и Средняя Азия, Иран и Поволжье. Восточный представлен в Сибири, Восточной и Юго-Восточной Азии, неарийской Индии и на крайнем северо-востоке Европы. Многие мотивы восточного комплекса встречаются также в Америке, что указывает на его древность. Подобное меридиональное деление Евразии неплохо совпадает с выделенными О.П. Балановским восточноевразийским и западноевразийским генетическими континуумами [Балановский, 2014, рис. 10.2, 10.3], скорее всего, отражающими продвижение южных популяций на север после прохождения последнего ледникового максимума (на рис. 1 восточный континуум заштрихован). Приблизительно в это же время началось заселение Нового Света.

Примером параллелей, связывающих юг Азии и Сибирь, служат кластеры мифологических мотивов, характерных для мифов о доставании земли со дна океана или из нижнего мира, об определении продолжительности времён года или ночи и дня или о попытке небольшого животного застрелить солнце. Эти темы характерны, с одной стороны, для Южной или Юго-Восточной Азии, а, с другой, для Сибири и далее для Америки (рис. 2–4).

Эти сходжения подробно рассмотрены в соответствующих работах [Берёзкин, 2007; Васильев и др. 2015, 372–382; Напольских, 1991, 2011; Yamada, 2009]. Сейчас отметим лишь, что кластер мотивов, связанный с темой «спора о времени», известен также алжирским арабам района Тиарет [Aceval, 2005, 145–147]. Случайное совпадение исключено – тексты очень специфичны. Источник магрибских версий надо, по-видимому, искать где-то на юге Азии, но предложить конкретное решение этой загадки на основе имеющихся материалов невозможно.

Среди сибирских мотивов, демонстрирующих южные соответствия, есть и не связанные с космологией или этиологией. Если бы мы включили их в данную выборку, сходство северо- и южноазиатского фольклора стало бы еще заметнее. Некоторые из подобных мотивов имеют параллели в Северной и даже в Южной Америке [Васильев и др., 2015, с. 16–17], другие не выходят за пределы Азии и, возможно, распространялись уже в голоцене. Всех их объединяет, однако, либо отсутствие, либо крайняя редкость аналогий западнее Урала и Индии. Распространение одного из подобных мотивов показано на рис. 5.

То, что в мифологии и фольклоре Евразии есть элементы, встречающиеся также в Америке, известно давно [Ehrenreich, 1905; Natt, 1949]. Сейчас же хотелось бы подчеркнуть, что распределение фольклорно-мифологических мотивов указывает на участие в заселении Нового Света носителей двух разных культурных традиций. В Старом Свете одна из них наиболее выражена у обитателей индо-тихоокеанской окраины Азии, а другая – в Центральной Азии и Сибири. Носители этих традиций принесли в Новый Свет не просто разные мотивы, но их разные тематические группы. В индо-тихоокеанских мифологиях преобладают темы происхождения смерти, появления человека и общества, анатомии человека и отношений полов. В континентально-сибирском комплексе особо важное место занимают представления о ночном небе (звездах, созвездиях, лунных пятнах). Мотивы, имеющие отношение к космогонии и к этиологии атмосферных явлений, растений и животных, обильны в

¹ Все рисунки даны по порядку в конце статьи, перед Списком литературы.

обоих комплексах. При этом, как было показано выше на примере «Ныряльщика за землей» и «Спора о времени», ряд мотивов данной группы, по-видимому, сформировался на юге Азии, затем был принесён в континентальную Сибирь и уже оттуда проник в Америку.

Начнем с мотивов, отражающих представления об антропо- и социогенезе, анатомии человека и отношениях полов. На рис. 6 показана главная тенденция в их распределении, о которой свидетельствует 1 ГК. Наибольшее число подобных мотивов зафиксировано в Южной Америке, на западе Северной Америки (от Северо-западного побережья до Юго-Запада) и в Меланезии, особенно на Новой Гвинее. Далее следуют неарийская Индия, Тайвань, Япония, Чукотка, Аляска, Гренландия. Противоположный полюс характерен для континентальной Евразии и Северной Африки. Максимальные абсолютные значения индексов здесь гораздо ниже, чем у традиций циркумтихоокеанского региона. Древнегреческая мифология по набору мотивов соответствующей категории несколько ближе к циркумтихоокеанским, чем к евразийским. Скорее всего, это значит, что в данном случае отрицательный полюс 1 ГК представлен не только мотивами данной тематической группы, унаследованными от глубокой древности, но также и теми, которые распространялись вместе со сказочным фольклором (например, представление о змее внутри опасной для женихов женщины). Поскольку в I тыс. до н.э. сказка как жанр ещё не сформировалась и распространение «международного» сказочного фольклора началось в лучшем случае с поздней античности, в древнегреческих источниках соответствующих мотивов мало (рис. 6).

Сказанное не означает, что в континентальной Евразии вообще нет этиологических мотивов, касающихся антропогенеза и анатомии. Вторая ГК противопоставляет не циркумтихоокеанский мир и континентальную Евразию, а Северную Америку и Евразию, с одной стороны, и Южную Америку – с другой (рис. 7). В Восточном Полушарии с Южной Америкой сближаются только некоторые традиции Африки (прежде всего хадза Танзании) и Меланезии (папуа семьи сепик-раму и обитатели островов Торресова пролива). При общем небольшом числе мотивов, влияющих на формирование 2 ГК, положение отдельных традиций с абсолютными индексами < 1,00 во многом определяется случайными факторами. Так, египетские арабы оказываются чуть ближе к Южной Америке, а не к Балканам, лишь потому, что в их фольклоре зафиксирован рассказ об уничтожении мужчин женщинами. Тем не менее общий трансконтинентальный тренд в распределении мотивов данной тематической группы сомнений не вызывает.

Как эту картину можно интерпретировать?

Тот южноамериканский набор соответствующих мотивов, наличие которого отражает 2 ГК, хотя и находит параллели в Меланезии, но в основном, скорее всего, сложился уже в Новом Свете, когда связи южноамериканских индейцев с остальным миром оборвались. Что касается Северной Америки, то на поздних стадиях заселения континента сюда продолжали поступать мотивы из Азии, Южной Америки не достигавшие. Концентрируются такие мотивы либо у эскимосов (больше всего), либо на Северо-западном побережье и в сопредельных с этой областью ареалах, тогда как на Юго-Востоке США их нет вовсе. В Евразии они распространены, с одной стороны, на севере (в частности у манси), а с другой – на юге и востоке, в частности в неарийской Индии, на Тайване и в Японии (рис. 7).

Сравним эти результаты с распределением мотивов, касающихся интерпретации объектов ночного неба. В традициях циркумтихоокеанского региона данная тема представлена довольно слабо, а наибольшим разнообразием отличается Северная Евразия и особенно Европа (рис. 8). В Западном Полушарии Северная Америка выглядит как периферия Евразии, а в Южной представлен самостоятельный комплекс мотивов. Число элементов в этом комплексе, однако, гораздо меньше, чем в северо-евразийско-североамериканском – отсюда небольшие абсолютные значения математических индексов.

Вторая ГК выявляет закономерности распределения мотивов внутри североазиатско-североамериканской зоны (рис. 9). Максимальное разнообразие характерно для Сибири, особенно Западной, с одной стороны, и для Европы, к которой примыкает Кавказ – с другой. В Америке закономерно представлены лишь сибирские мотивы – некоторые из них исключительно яркие и своеобразные, относительно переноса которых из Старого Света в Новый нет ни малейших сомнений [Берёзкин, 2005, 2008; Васильев и др., 2015, 408–414, 431–432; Berezkin, 2006, 2010]. Следует подчеркнуть, что как в Северной Америке, так и в Сибири мало сюжетов и образов, которые бы касались представлений о луне и звёздах и не были бы известны в обоих регионах одновременно (рис. 9).

Типичная картина отражена на рис. 10, где показаны традиции, в которых Млечный Путь считается лыжным следом. Этот образ тянется полосой от крайнего северо-востока Европы (коми) до Приморья. В северо-восточной Азии он не известен, но снова появляется на Аляске и на западе Канады. Лакуна между сибирским и американским ареалами его распространения исключает возможность недавней диффузии, а локализация в Северной Америке на северо-западе континента, но не далее на юг и восток

предполагает датировку скорее ранним голоценом, нежели финальным плейстоценом. Мотив зафиксирован не столько у эскимосов (ветви юпик), сколько у носителей языков на-дене, поэтому его связь с языковыми предками эскимосов и алеутов не очень вероятна – скорее, он проник в Америку раньше, может быть, с носителями сумнагинской культуры (ср. [Васильев и др., 2015: 447–448]).

Сказанное означает, что как минимум 10 тыс. л.н. сибирская космонимия в основном уже приобрела известный нам облик. Как в это время интерпретировали ночное небо обитатели Европы, сказать невозможно, поскольку большинство европейских и кавказских космонимических сюжетов и образов отражает набор реалий даже не неолита, а эпохи бронзы и ещё более поздних периодов. Мощный след здесь оставили христианство и отчасти ислам.

Заключение

Вероятность повторного независимого возникновения отдельных мотивов всегда существует, но основные статистически значимые тенденции в их ареальном распределении от подобных случайных флуктуаций не зависят. Этот вывод был сделан 20 лет назад. С тех пор объём собранной и обработанной информации увеличился на порядок, но намеченные ещё в середине 1990-х гг. главные тенденции в распределении мотивов лишь подтверждались и конкретизировались. В ходе исследований последних лет, проведённых в контексте работы по гранту РФФ 14-18-03384, было сделано ещё одно важное заключение. Мотивы отдельных тематических групп не распределены равномерно по всему миру, у каждого из макрорегионов планеты есть собственная «специализация». Чаще всего о её причинах трудно даже гадать. Преимущественная разработка определённых разделов картины мира могла начаться в глубокой древности в силу случайных причин и далее транслироваться на протяжении тысячелетий. В статье были рассмотрены две такие группы мотивов. Мотивы, касающиеся антропогенеза, анатомии и отношений полов, чаще всего используются и наиболее разнообразны в нарративах из циркумтихоокеанского региона, в других регионах их меньше. Ядро этого комплекса должно было сформироваться в Восточной Азии до начала заселения Нового Света. Мотивы, касающиеся представлений о ночном небе, наиболее популярны в Северной Евразии и в Северной Америке, а в Новый Свет проникли на поздних этапах его заселения.

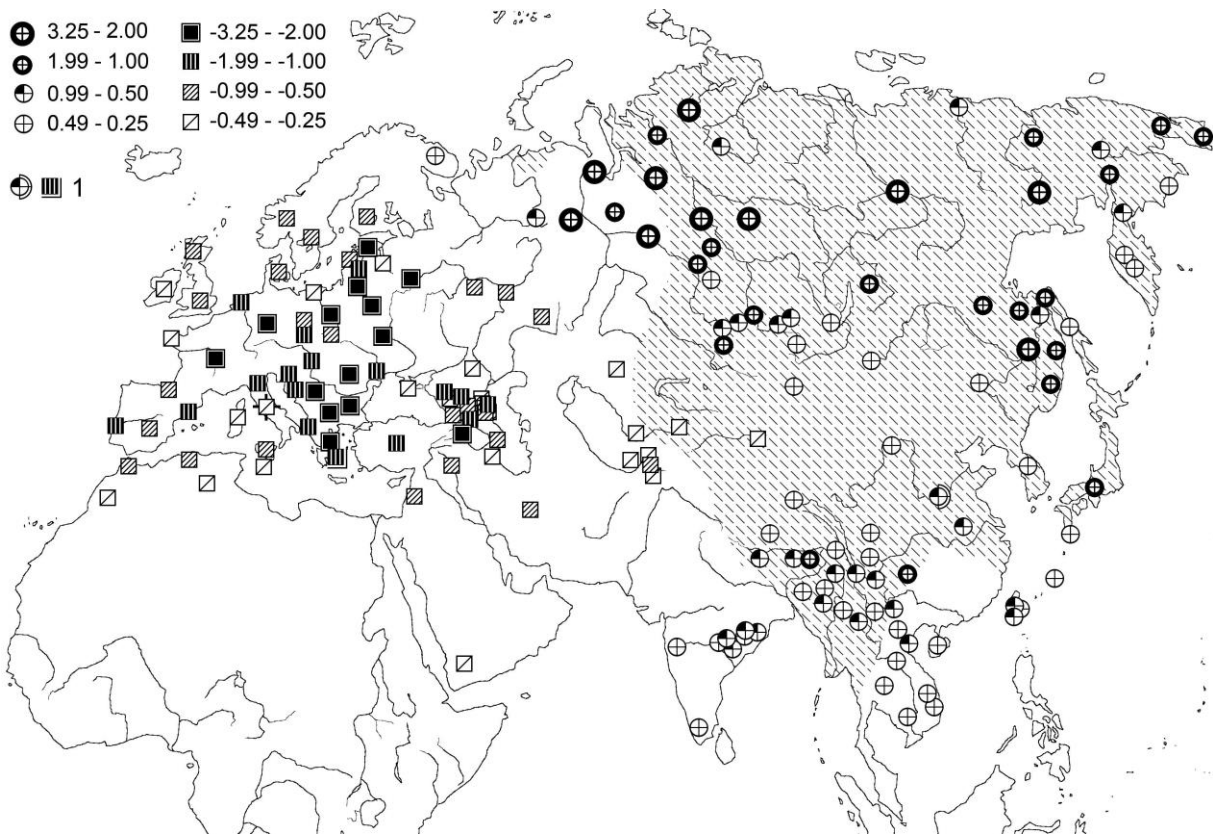

Рис. 1. Восточный и западный комплексы мотивов категории А, 2 ГК.

Рис. 2. Мотив «ныряльщик за землёй» и возможные пути его распространения.

- Первопредки спорят о том, сколько месяцев, дней, часов должно быть в году, месяце, ночи. Число перьев, пальцев, полос на теле и т.п. сопоставлено с числом единиц времени.
- ⊖ То же, но без такого сопоставления.
- Спор идет о том, быть ли теплу и свету или ночи и тьме, число дней или часов не обсуждается.
- День и ночь чередуются потому, что убитый зверь был полосатым.
- ▧ Число временных единиц сопоставлено с полосами на шкуре бурундука.

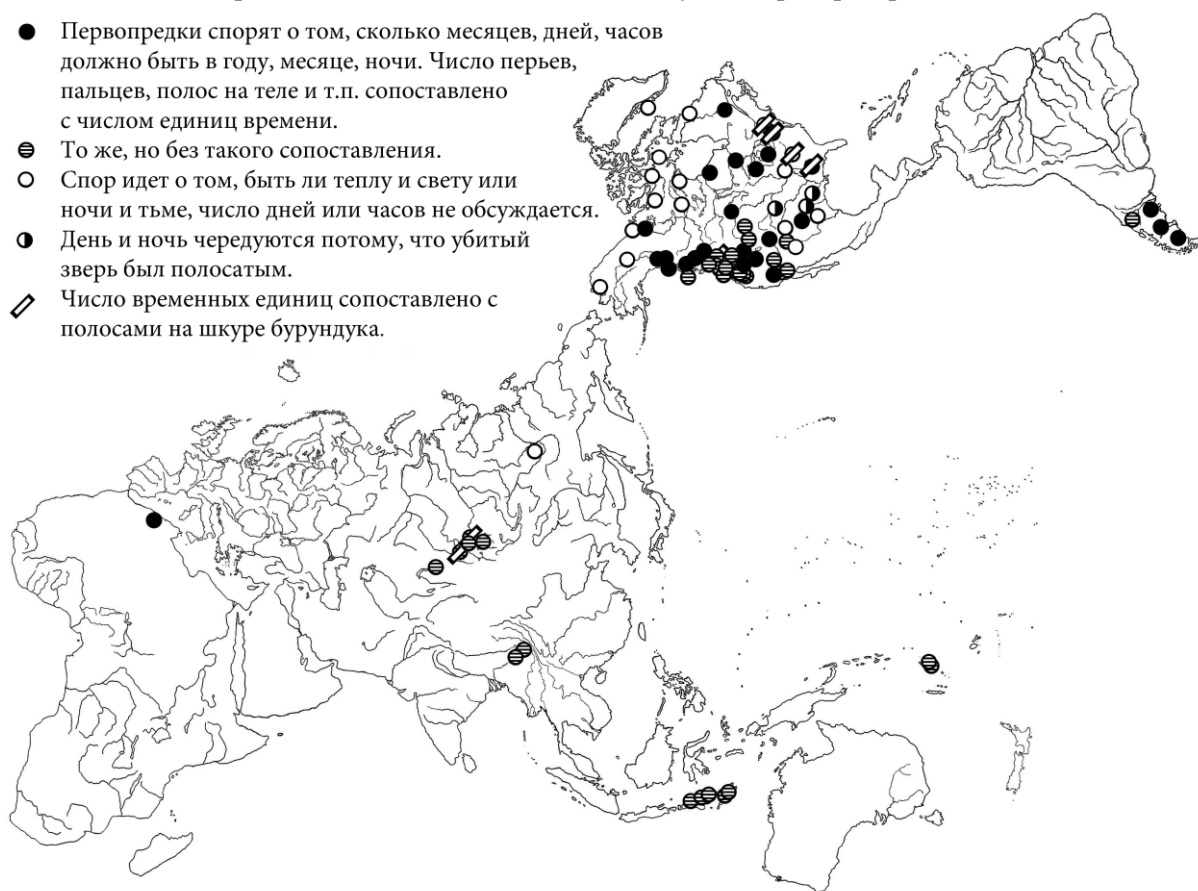

Рис. 3. Мотив «спор о времени».

Рис. 4. Мотив «небольшое животное пытается застрелить солнце».

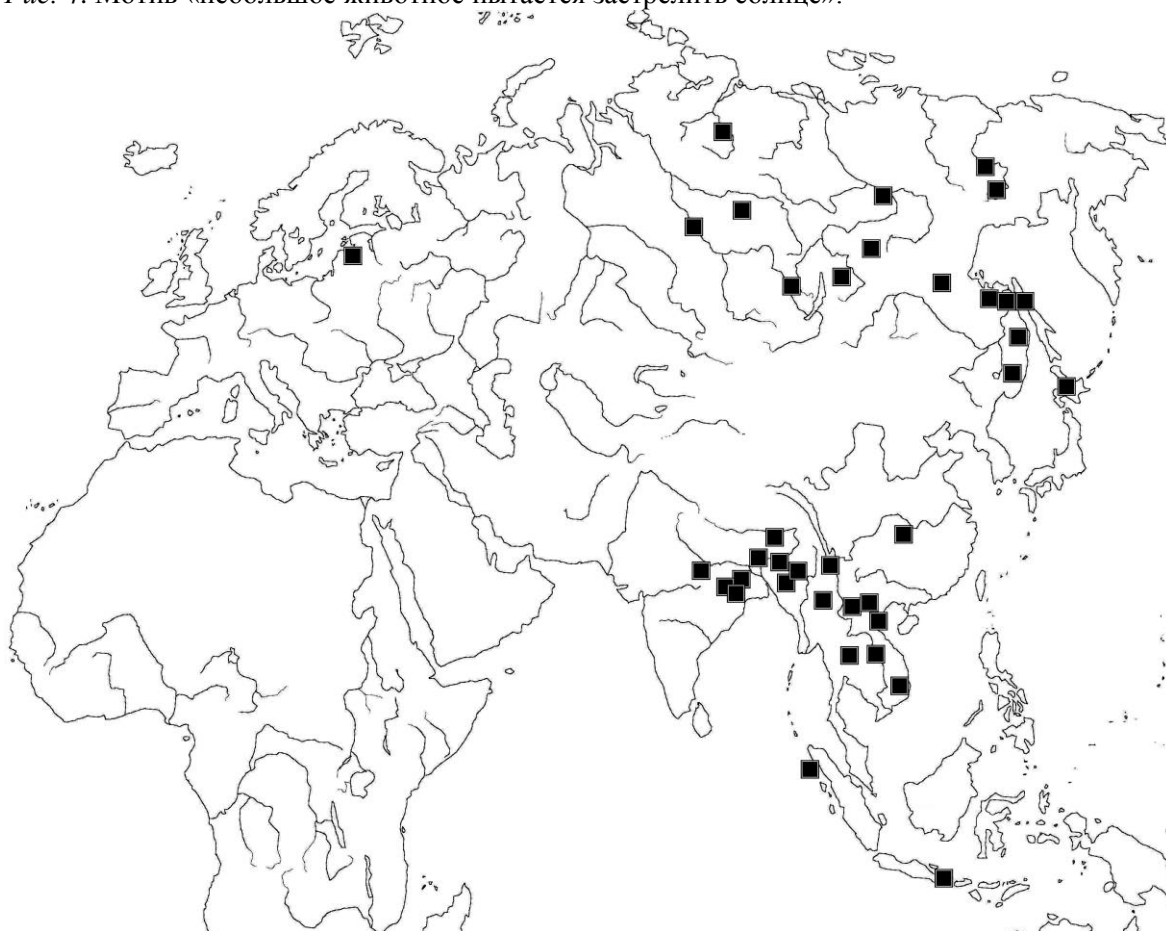

Рис. 5. Мотив «старик притворился спящим, животные принимают его за мёртвого».

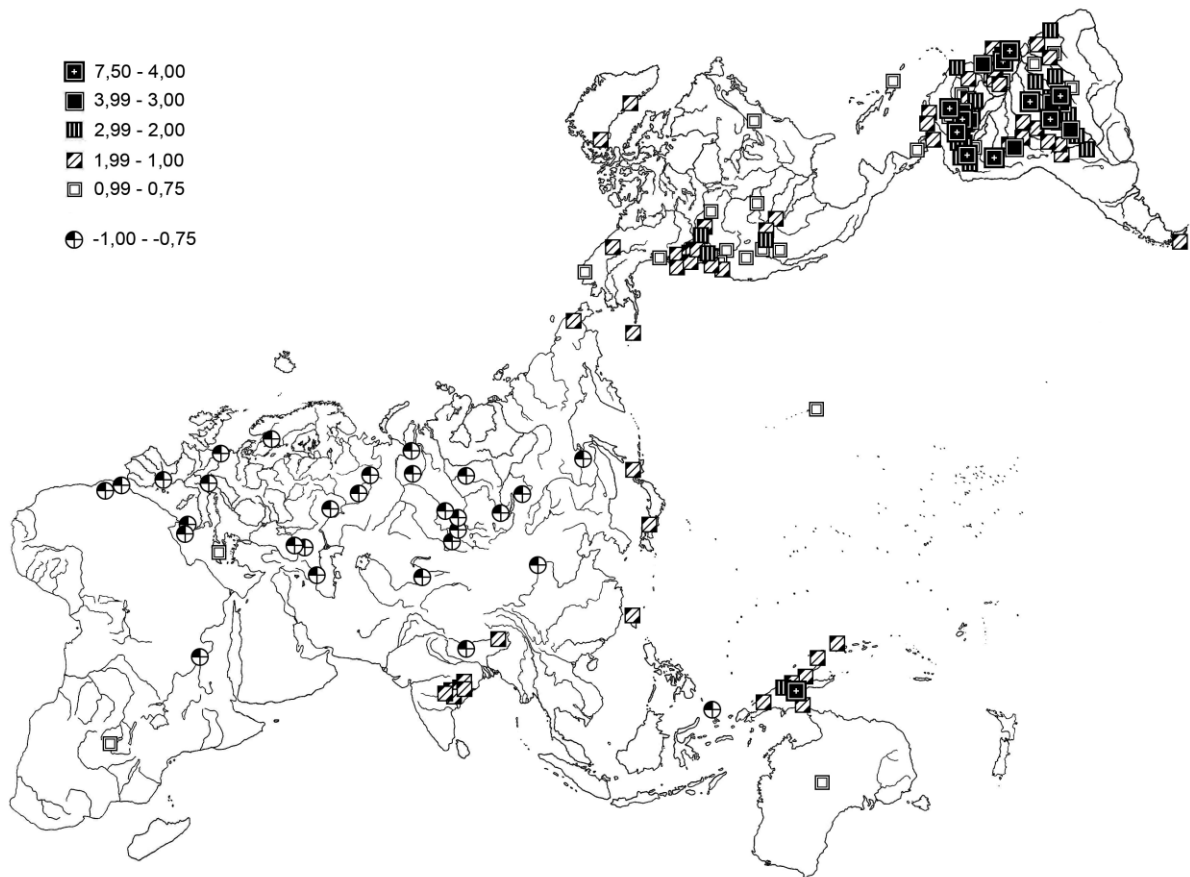

Рис. 6. Мотивы, касающиеся антропогенеза и анатомии. 1 ГК.

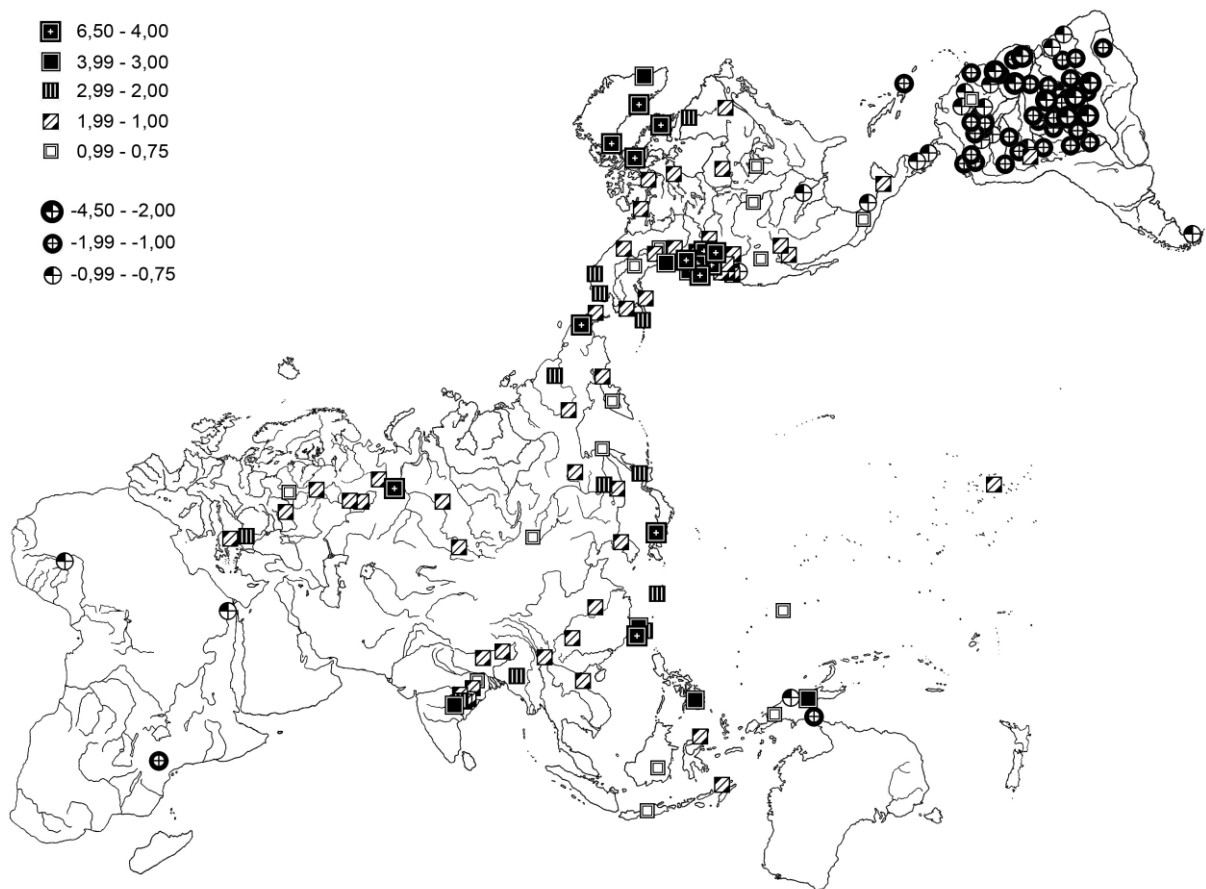

Рис. 7. Мотивы, касающиеся антропогенеза и анатомии. 2 ГК.

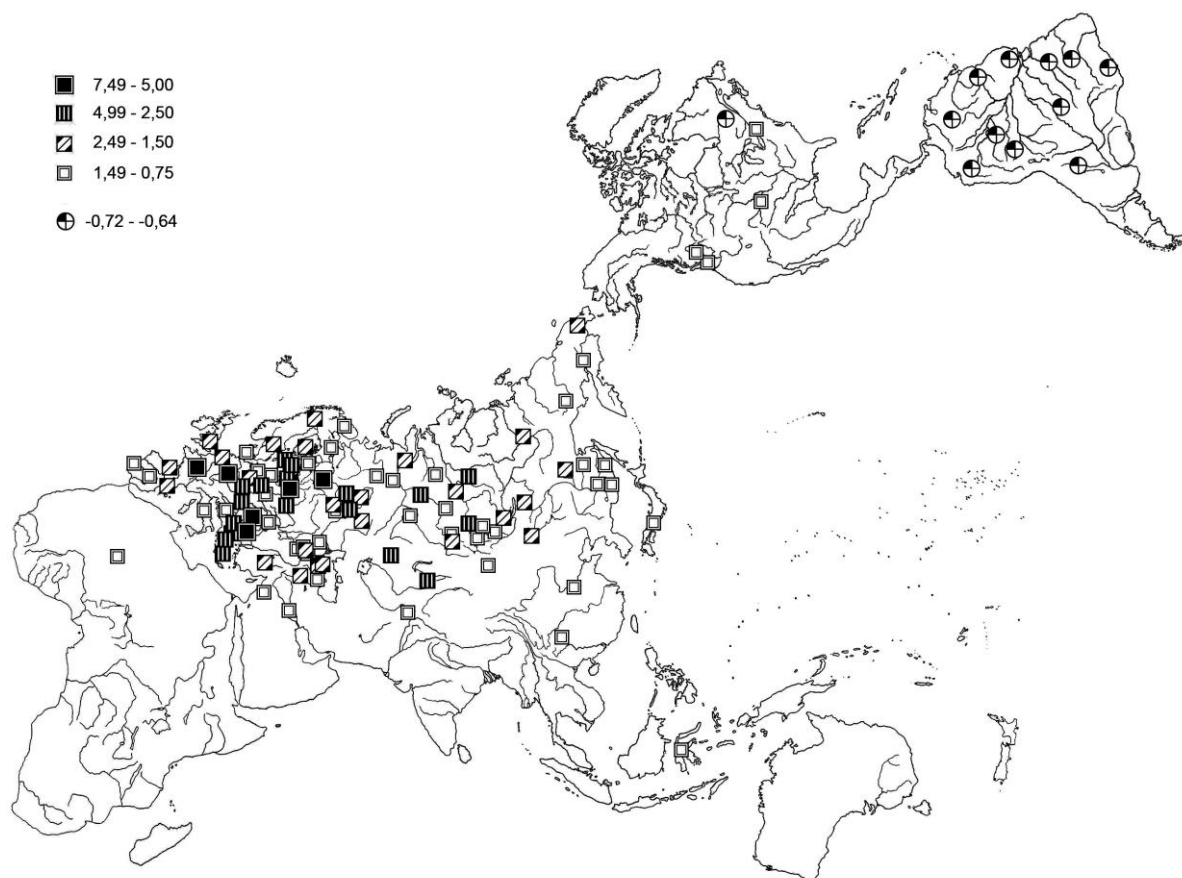

Рис. 8. Представления об объектах ночного неба. 1 ГК.

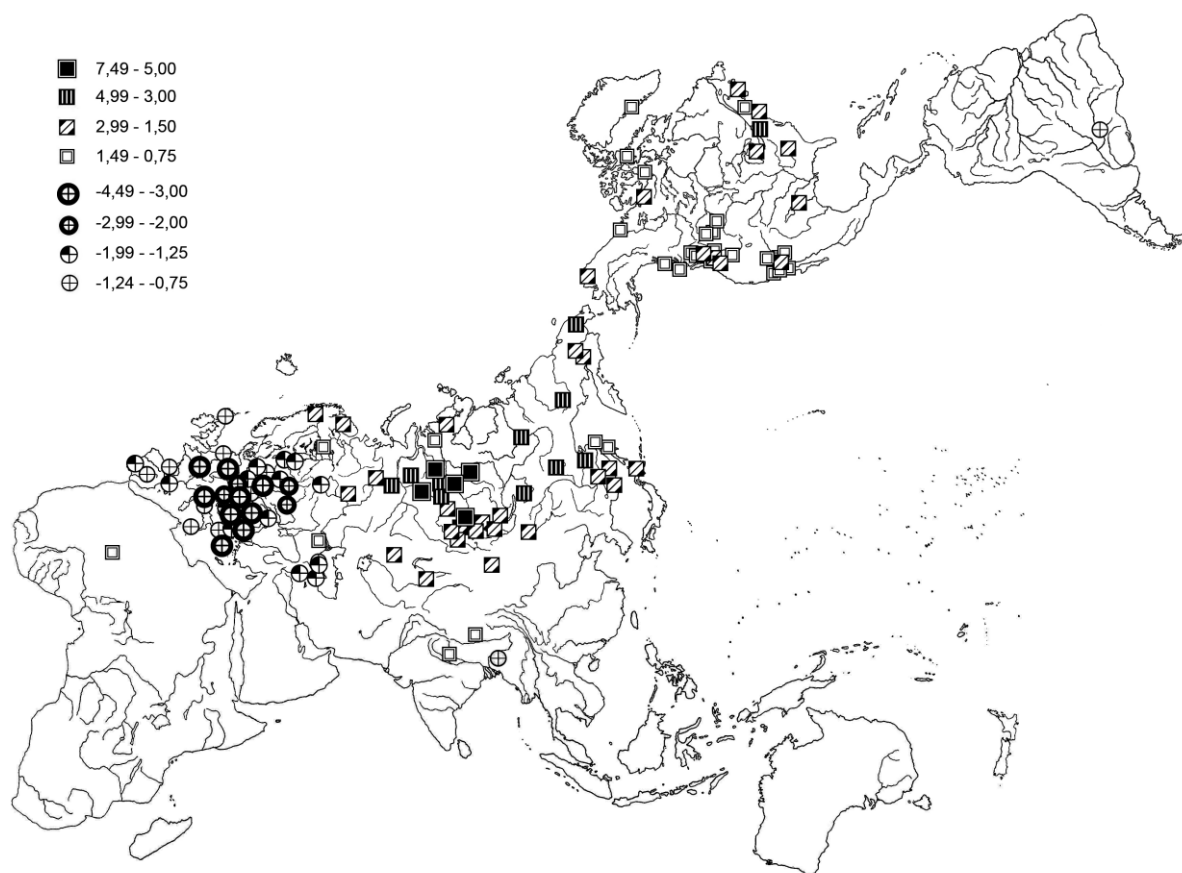

Рис. 9. Представления об объектах ночного неба. 2 ГК.

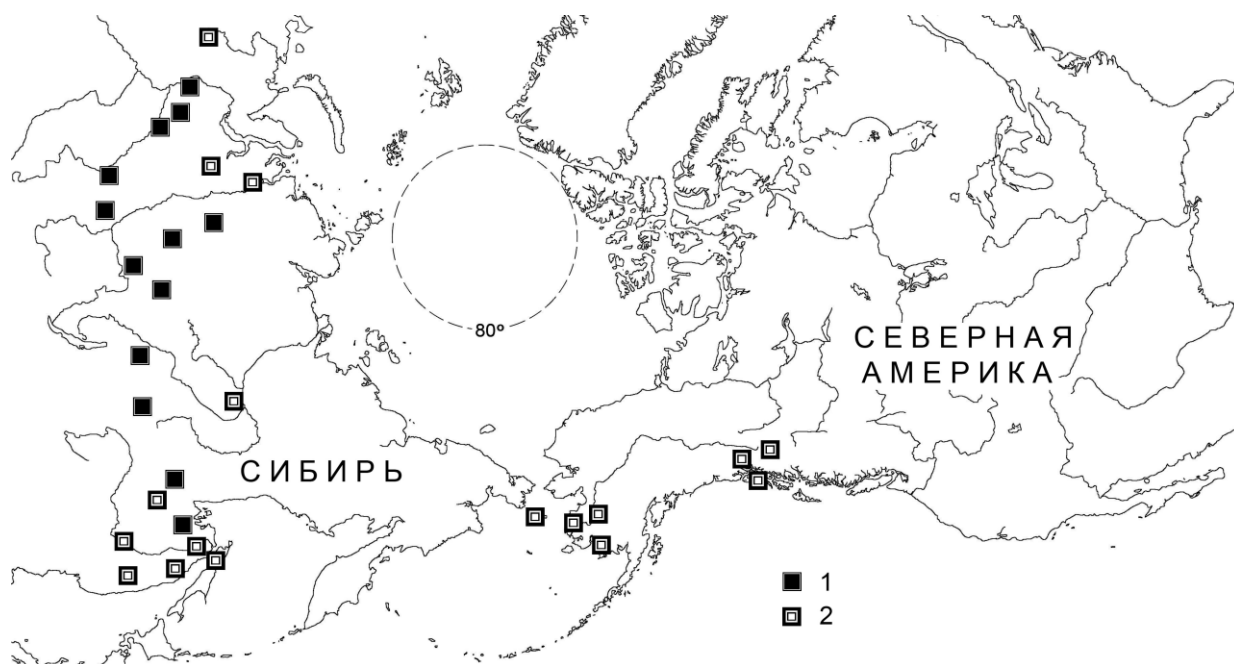

Рис. 10. Млечный путь как лыжня в сюжете небесной охоты (1) и в другом контексте (2).

Список литературы

- Березкин Ю.Е. Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 141–150.
- Березкин Ю.Е. Космогонические сюжеты «ныряльщик за землей» и «выход людей из земли» (о гетерогенном происхождении американских индейцев) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 110–123.
- Березкин Ю.Е. Алькор, котелок и собака: межконтинентальные параллели и эпохальные изменения в картине звездного неба // «Кирпичики»: культурная антропология и фольклористика сегодня: Сб. в честь 65-летия Сергея Юрьевича Неклюдова / Составители А. С. Архипова, М. А. Гистер, А. В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 11–23.
- Березкин Ю.Е. 2015. Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический Форум. 2015. № 26. С. 153–170.
- Балановский О.П. Генетические данные о заселении Высоких Широт // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды / Отв. редакторы В. М. Котляков, А. А. Величко, С. А. Васильев. М.: ГЕОС, 2014. С. 408–422.
- Васильев С.А., Ю.Е. Березкин, А.Г. Козинцев, И.И. Пейрос, С.Б. Слободин, А.В. Табарев. Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб: Нестор-История, 2015. 680 с.
- Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991. 189 с.
- Напольских В.В. 2011. Миф о нырянии за землёй (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не любопытства ради, а познания для...»: К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / Ред. Н. А. Дубова, Ю. А. Квашнин. М.: Старый Сад, 2011. С. 215–272.
- Aceval N. Contes et traditions d'Algérie. Paris: Flies France, 2005. 221 p.
- Berezkin Yu. The cosmic hunt: variants of a Siberian – North-American myth // Folklore (Tartu). 2006. No. 31. P. 79–100.
- Berezkin Yu. The Pleiades as openings, the Milky Way as the path of birds and the girl on the Moon: cultural links across Northern Eurasia // Folklore (Tartu). 2010. No. 44. P. 7–34.
- Berezkin Yu. Folklore and mythology catalogue: its lay-out and potential for research // The Retrospect Methods Network Newsletter. 2015. Vol. 10. P. 56–70. (Between Text and Practice. Mythology, Religion

and Research. A special issue of RMN Newsletter, ed. by Frog and Karina Lukin. Helsinki: University of Helsinki).

Ehrenreich P. Die Mythen und Legenden der Südamerikanischen Urvölker und ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas und der alten Welt. Berlin: von Asker, 1905. 107 S.

Hatt G. Asiatic Influences in American Folklore. København: Ejnar Munksgaard, 1949. 122 p.

Thompson S. Motif-index of Folk-literature. Vol. 1. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. (FF Communications; no. 106).

Uther H.-J. The Types of International Folktales. Vols. 1-3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. (FF Communications; nos. 284–286).

Yamada H. Tales on the mole that shot the Sun: a comparative perspective // Mythologie du ciel. Vent – Oiseau – Etoiles / Textes réunies par Chiwaki Shinoda. Nagoya: Librairie Rakuro, 2009. P. 27–42.

Yuri. E. Berezkin

*Museum of Anthropology & Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation;
berezkin1@gmail.com*

**Results of computing the data on the areal distribution of the folkloric and mythological motifs
in Northern Asia (South Asian and American links)**

The results of the statistical processing of data extracted from dozens of thousands of traditional narratives of Northern Asia and other regions are described. Parallels between Siberia and southern part of Asia probably reflect the northward shift of population after the Last Glacial Maximum. Tendencies of areal distribution of two groups of motifs are compared. Those which are related to the anthropogenesis, human anatomy and gender relations are especially popular in the circum-Pacific region while ideas about the objects of the night sky are most developed in Northern Eurasia and North America. The basic part of the Siberian cosmonymy had to emerge not later than the Pleistocene/Holocene transition.

Keywords: folklore as a source of data on the remote history, folklore indexes, peopling of the New World, Siberian prehistory, prehistoric migrations.

References

Aceval N. Contes et traditions d'Algérie. Paris: Flies France, 2005. 221 p.

Balanovsky O. Geneticheskie dannye o zaselenii Vysokih Shirot [Genetic data on the colonization of the High Latitudes] // Pervonachal'noe zaselenie Arktiki chelovekom v usloviyah menyayuscheisia prirodnoi sredy [Initial Human Colonization of Arctic in Changing Environment], V.M. Kotlyakov, A.A. Velichko and S.A. Vasil'ev, eds. Moscow: GEOS, 2014. Pp. 408–422.

Berezkin Yu. Cosmic hunt: variations of a Siberian – North American myth // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2005. No. 2 (22). Pp. 141–150.

Berezkin Yu. The cosmic hunt: variants of a Siberian – North-American myth // Folklore (Tartu). 2006. No. 31. Pp. 79–100.

Berezkin Yu. “Earth-diver” and “emergence from under the earth”: cosmological tales as an evidence in favor of the heterogenic origins of American Indians // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2007. No. 4 (32). Pp. 110–123.

Berezkin Yu. Alkor, kotelok i sobaka: mezhkontinentalnye kul'turnye paralleli i epohal'nye izmenenia v kartine zvezdnogo neba [Alkor, a cooking pot and a dog: intercontinental cultural parallels and long-termed changes in the star map] // “Kirpichiki”: kul'turnaia antropologia i folkloristika segodnia. Sbornik v chest' 65-letia Sergeya Yur'yevicha Neklyudova [“The Bricks”: Cultural Anthropology and Folklore Studies Today. Yuri Neklyudov Festschrift], A. S. Arkhipova, M. A. Gister and A. V. Koz'min, eds. Moscow: Russian State University of Humanities, 2008. Pp. 11–23.

Berezkin Yu. The Pleiades as openings, the Milky Way as the path of birds and the girl on the Moon: cultural links across Northern Eurasia // Folklore (Tartu). 2010. No. 44. Pp. 7–34.

Berezkin Yu. Folklore and mythology catalogue: its lay-out and potential for research // The Retrospect Methods Network Newsletter. 2015a. Vol. 10. Pp. 56–70. (Between Text and Practice. Mythology, Religion and Research. A special issue of RMN Newsletter, ed. by Frog and K. Lukin. Helsinki: University of Helsinki).

Berezkin Yu. Rasprostranenie fol'klornykh motivov kak obmen informatsii, ili Gde Zapad granichit s Vostokom [Spread of folklore motifs as information exchange, or Where the West meets the East] // Forum for Anthropology and Culture. 2015b. No. 26. Pp. 153–170.

Ehrenreich P. Die Mythen und Legenden der Südamerikanischen Urvölker und ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas und der alten Welt. Berlin: von Asker, 1905. 107 S.

Hatt G. Asiatic Influences in American Folklore. København: Ejnar Munksgaard, 1949. 122 p.

Napol'skikh V.V. Drevneishie etapy proiskhozhdenia narodov ural'skoy yazykovoy sem'i: dannye mifologicheskoy rekonstruktsii (praural'ski kosmogonicheski mif) [The earliest stages of the ethnogenesis of the peoples of the Uralic language family: the data of the mythological reconstruction (the proto-Uralic cosmogonic myth)]. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology & Anthropology of the Academy of Sciences of the USSR, 1991. 189 p.

Napol'skikh V.V. Mif o nyryanii za zeml'oy (A812) v Severnoi Yevrazii i Severnoi Amerike: dvadtsat' let spustya [The earth-diver myth (A812) in Northern Eurasia and North America: twenty years later] // "Ne lyubopytstva radi, a poznania dlya...". K 75-letiyu Yuria Borisovicha Simchenko ["Not because of curiosity but for the progress of knowledge...". Yuri B. Simchenko 75th Anniversary Festschrift, ed. by N.A. Dubova and Yu.A. Kvashnin. Moscow: Stary Sad, 2011. Pp. 215–272.

Vasil'ev A.A., Yu.E. Berezkin, A.G. Kozintsev, I.I. Peiros, S.B. Slobodin, & A.V. Tabarev. 2015. Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: opyt kompleksnogo issledovaniya [Peopling of the New World: A Multidisciplinary Study]. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2015. 680 p.

Thompson S. Motif-index of Folk-literature. Vol. 1. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. (FF Communications; no. 106).

Uther H.-J. The Types of International Folktales. Vols. 1-3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. (FF Communications; nos. 284–286).

Yamada H. Tales on the mole that shot the Sun: a comparative perspective // Mythologie du ciel. Vent – Oiseau – Etoiles, Textes réunies par Chiwaki Shinoda. Nagoya: Librairie Rakuro, 2009. Pp. 27–42.